

Шафалович А.А.♦

УДК: 342.4

К вопросу об источниках судейского права в Республике Беларусь

Аннотация: Исследуются источники судейского права и иных аспектов судебного правотворчества Республики Беларусь. Рассматриваются вопросы о типичных и нетипичных, основных и вспомогательных источниках права, производных от судебной власти в Республике Беларусь: о нормативных правовых актах судебной власти, о судебном прецеденте, о судебной практике, судебном толковании. В результате исследования автор приходит к выводу о потребности в легализации всей системы источников права Республики Беларусь с целью обеспечения единообразного видения данной системы источников, с целью обеспечения сбалансированности индивидуального и абстрактного нормирования; вернуть нормативный характер актам Конституционного Суда; уточнить общеобязательный (не корпоративный) характер постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь; для выработки единообразной судебной и нормотворческой практики Верховному Суду вести учет толкуемых через постановление понятий; указать в Законе «О нормативных правовых актах», что принятие постановлений Пленума Верховного Суда осуществляется в порядке, установленном ст. 59 Кодекса о судоустройстве и статусе судей. Актуальными направлениями дальнейших исследований источников судебного права считаем уточнение соотношения понятий формы права и источников права, а также вопросы самостоятельности или взаимопроникновения форм права.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность; источники права; форма права; судебный прецедент; судебная практика; нормативный правовой акт; судебное правотворчество; судебное толкование; нормативность; судебная власть.

ВВЕДЕНИЕ

Парадоксально, но одним из довольно слабо изученных вопросов в белорусской правовой доктрине остается вопрос о типичных и нетипичных источниках судейского права, в частности о судебной практике, судебном прецеденте, о нормативных правовых актах судебной власти. В связи с этим целью настоящего исследования является восполнение пробела в этом вопросе, имеющем практическую значимость для национальной правовой системы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вопросы относительно источников судейского права Республики Беларусь косвенно затрагивались очень многими юристами, но предметно изучались в разное время такими учеными, как академик Г. А. Василевич [5; 6], Т. В. Иванова [11; 12], В. Н. Дубовицкий [11], профессор В. Н. Бибило [2; 3; 4], А.Ф. Вишневский В.А. Кучинский и Н.А. Горбатов [7], В. Н. Сильченко [15; 16], В. И. Павлов [13], А. А. Шафалович [18] и некоторыми другими.

♦ Шафалович Анна Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права факультета права УО «Белорусский государственный экономический университет» (Республика Беларусь). E-mail: shafalovichy@gmail.com

В целом, в Республике Беларусь источники права системно не легализованы [19, с. 127–134]. Систему источников современного белорусского права в отсутствие ее легального закрепления определяет правовая доктрина, чей статус как источника права легально также не установлен. В итоге это приводит к логической ошибке — «определение неизвестного через неизвестное», что можно расценить как дефект в правовом регулировании фундаментальных основ правовой системы. Согласно правовой доктрине, в порядке убывания значимости общеобязательными признаются следующие формы права: нормативный правовой акт, нормативный договор, правовой обычай.

В условиях, когда в белорусском законодательстве отсутствует нормативный правовой акт общеправового действия, определяющий всю систему источников права, можно назвать всего два закона, посвященных отдельным источникам общеправового действия: Закон № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее - Закон о НПА) от 17 июля 2018 г. (с изменениями и дополнениями) и Закон № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» от 23 июля 2008 г.

Представители правовой доктрины единодушны в том, что в белорусской правовой системе отсутствует типичный для современного судейского правотворчества источник права, коим общепризнанно считается судебный прецедент. В научной литературе часто высказывается мнение о необходимости легализации судебного прецедента как источника белорусского права (например, Г.А. Василевич [5, с. 3-4], Д.М. Демичев [9, с. 346-347], Н.В. Сильченко [15, с. 237]). Как отмечает В. Н. Бибило, «складывается парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, судебный прецедент не признан официальным источником права, а с другой — постановления верховных судов по общим вопросам нередко считаются источником права, приравненным к закону» [4, с. 113].

В.Н. Сильченко писал: «Существование прецедента как источника права не подрывает авторитет закона, а, наоборот, как бы это ни казалось парадоксальным, способствует повышению его верховенства». Признание судебного прецедента «может содействовать утверждению единства судебной практики, чего сейчас явно не хватает нашей действительности: достаточно часто длительное время не выявляются противоречивые решения судов, что нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом» [15, с. 174]. Большой запрос на легализацию судебного прецедента и официальную регистрацию правовых обычаев вытекает из потребностей инновационного развития. Так, например, в ПВТ «Великий камень», санкционировано действие источников английского права.

В отличие от других авторов мы исходим из того, что, являясь «естественным», объективно необходимым для балансирования правовой системы источником права судебный обычай де-факто наличествует в любой, тем более современной, правовой системе, даже если он де-юре не легализован.

Как форма права судебный прецедент весьма непросто для определения. Однозначного ответа, что собой представляет правило прецедента, нет даже в англо-саксонской правовой доктрине. Чаще всего там правовой прецедент отождествляется с правилом *ratio decidendi* — принципом разрешения дела, а не его конкретным формальным выражением в судебном или административном решениях. Если изменение содержания *ratio decidendi* не ведет к новому решению, то эта часть является *obiter dictum* (попутно сказанное), или высказыванием судьи, не являющимся решением по существу рассматриваемого дела. Тем самым, не исключено, что он может поглощаться иными формами права, например, нормативным правовым актом

или принципами права (а те, в свою очередь, могут поглощаться правовой доктриной или нормативным правовым актом). И это парадоксально, поскольку правовые принципы сверх абстрактны в отличие от сверх конкретного судебного прецедента. Тем самым, возникает вопрос о самостоятельности судебного прецедента и иных форм права вообще.

Судебный прецедент, вырабатываемый высшими судебными инстанциями, «естественным» образом отражает специфику нормативности источников права судебной власти, а именно, конкретный, индивидуальный характер последней. Нормативность источников права судебной власти формируется от частных обстоятельств дела к абстрактному нормированию, которое, даже будучи сформулированным в правовой норме *ratio decidendi*, никогда не утрачивает конкретности.

Свойство судебного прецедента балансировать, выравнять, конкретизировать абстрактные нормы актов законодательства делает его очень востребованным. Он идет от потребностей самой жизни и делового оборота и является образцом правовой рациональности и целесообразности, более строгим, чем закон способом правовой оценки дела.

Полагаем, в Республике Беларусь де-факто он существует среди источников права, но воплощается в форму права, не свойственную для судебной власти, а именно, форму нормативного правового акта. К слову, этот пример расхождения понятий «источник права» и «форма права» доказывает целесообразность дальнейшего исследования их отличительных свойств.

В условиях отсутствия легализованных судебных прецедентов, как самостоятельных источников права, судебное правотворчество Республики Беларусь приняло форму постановления Пленума Верховного Суда. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона о НПА, постановления Пленума Верховного Суда являются нормативными правовыми актами, составляющими законодательство Республики Беларусь. Это — единственный прямо признанный нормативный правовой акт судебной власти в Республике Беларусь, при том, что не все нормативные правовые акты входят в систему законодательства, согласно Закону о НПА. Такая легализация источника судебной власти для государства, чья правовая система тяготеет к романо-германской правовой семье, уже само по себе прецедентно.

Постановления Пленума Верховного Суда, как нормативный правовой акт, весьма специфичны, как по форме их принятия, как по структуре, так и по содержанию. Верховный Суд Республики Беларусь, как высший и коллегиальный (довольно многочисленный) орган судебной власти, издавая подобные постановления, не вправе выйти за рамки своей компетенции (п. 2 ст. 17) и конкретного характера судебной власти.

На сегодняшний день порядок принятия постановления Пленума Верховного Суда регулируется не Законом о НПА, а Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. (с изменениями и дополнениями). Ст. 59 данного Кодекса гласит: «Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь принимаются открытым голосованием большинством голосов присутствующих на заседании членов Пленума Верховного Суда Республики Беларусь». При этом в Законе о НПА, определяющем порядок и стадии нормотворческого процесса, не указано, что этот Закон не распространяет свое действие на порядок принятия постановлений Пленума Верховного Суда. Для сравнения, п. 2 ст. 1 Закона о НПА прямо выводит акты Конституционного Суда из-под своего действия.

Нормативность постановления Пленума Верховного Суда не носит ярко выраженный характер, переплетаясь с иными правоположениями¹ судебной власти. Помимо включения судебных прецедентов, такие постановления охватывают материалы обобщения судебной практики судов общей юрисдикции, судебной статистики и судебного толкования.

Между тем, даже при легальном признании постановлений Пленума Верховного Суда нормативными, начиная с 2018 г., до сих пор весьма спорным остается вопрос об обязательном характере этих актов и о круге субъектов, на которых они распространяются. Одни ученые полагают, что такие постановления Пленума Верховного Суда являются обязательными лишь для нижестоящих судов общей юрисдикции, но не для Конституционного Суда, который является специальным судебным органом и не входит в систему судов общей компетенции, и, тем более, не для других субъектов. Тем самым, постановления Пленума Верховного Суда сродни корпоративным актам, распространяющим свое действие исключительно на определенную корпорацию.

Другие считают, что постановления Пленума Верховного Суда в продолжение советской традиции по-прежнему остаются рекомендательными и не содержат обязательных предписаний даже для органов судебной власти. Профессор В.Н. Бибило их рассматривает как обобщение судебной практики или правоположения (как закрепленные в судебных актах общего характера «нормы права, имеющие рекомендательное значение», т.е. не обеспеченные негативной санкцией [4, с. 147–148]). Она пишет: «Правоположения компенсируют естественное отставание законодательства от динамики общественных отношений» [4, с. 113]. Подобная идея В. Н. Бибило еще раз актуализирует вопрос о самостоятельности форм права.

Как следует из вышеизложенного, этот момент требует легального уточнения посредством отдельной законодательной формулировки.

Вероятно, вторая точка зрения вытекает из составляющих постановление элементов (обобщения судебной практики, судебной статистики и судебного толкования), чья нормативность под большим вопросом. Немаловажен факт, что советские ученые, отмечали сходство постановлений Пленума с нормативными актами, но однако считали, что сами постановления Пленума нормативными правовыми актами по своей природе не являются. Нормативность постановлений Пленума они видели в их автономном действии, что могло выражаться в сохранении их действия и в случае прекращения действия или отмены разьясняемого акта [12, с. 7-15].

Нежелание же признать факт нормотворчества судами в форме нормативных актов объясняется требованием обеспечения сдержек и противовесов в системе разделения властей. Например, когда студенты факультета права нашего университета идут на практику в суды, на протяжении многих лет я им задаю один вопрос, адресованный судьям по месту практики: «Считаете ли Вы, что суд в Республике Беларусь творит право?». По словам студентов, судьи неизменно отвечают: «Упаси, Боже!». И это тоже примечательно, учитывая положения Закона о НПА.

Говоря о судейском правотворчестве, следует отметить, что Закон «О нормативных правовых актах» не называет точный круг нормотворческих органов и их нормативных ак-

¹Правоположения — нормы права, формируемые в судебных постановлениях, основанных на судебной практике и судебной статистике.

тов, и оставляет правовую неопределенность в вопросе нормативности некоторых правовых актов не только судебной власти, но и иных, например, Президента Республики Беларусь и Всебелорусского народного собрания. Остаются вопросы об иерархии нормотворческих органов, поскольку белорусский законодатель принципиально не устанавливает иерархию нормативных правовых актов.

На протяжении нескольких внесений изменений и дополнений в Закон о НПА вместо иерархии нормативных правовых актов определяется система законодательства (ст. 3 Закона о НПА) и дается целая группа коллизионных норм (ст. 23 этого Закона). Система законодательства, хотя и приближена к иерархии нормативных правовых актов (намеренно или нет?) обходит наиболее сложные для уточнения места, особенно касательно высших нормотворческих органов. Например, возникает вопрос об отнесении к числу нормотворческих органов Конституционного Суда. Есть правовая неопределенность с определением характера заключений Конституционного Суда: относятся ли они к числу нормативных актов или нет? Согласно ранее действовавшему Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (утратил силу), решения и заключения Конституционного Суда прямо относились к нормативным. В настоящий момент действие Закона о НПА не распространяется на акты Конституционного Суда (п. 2 ст. 1 Закона).

Закон № 124-З «О конституционном судопроизводстве» от 8 января 2014 г. с момента его принятия, несмотря на последующие изменения и дополнения, в том числе после республиканского референдума 27.02.2022 г., ни разу не упоминает нормативного характера актов Конституционного Суда. Это дает основания считать, что они вообще не относятся к числу нормативных правовых и, соответственно, к источникам или формам права Республики Беларусь не относятся. К слову, в связи с постреферендарными изменениями в данный Закон, решения и заключения Конституционного Суда более не привязаны к виду конституционного контроля. В Законе они определены не через легальную дефиницию, а путем перечисления, по каким видам конституционного судопроизводства они принимаются (п. 1 и п. 2 ст. 75).

Относительно судебной практики, как источника права, мы считаем, что она стала не самостоятельной формой права в Республике Беларусь, как и судебный прецедент, а воплотилась в единственный легально признанный нормативный акт судебной власти — постановления Пленума Верховного Суда.

Судебная практика, как собирательное понятие в отношении деятельности судебных органов, в статическом аспекте предстает совокупностью решений судов той или иной инстанции по той или иной категории дел. В динамическом аспекте это — сам процесс деятельности судебных органов по разрешению тех или иных категорий юридических дел [12]. П. А. Гук под судебной практикой понимал «деятельность всех судов, входящих в судебную систему, связанную с правоприменением и выработкой в процессе разбирательства конкретных дел общеобязательных правил поведения» [8, с. 58].

Самостоятельной формой права в Республике Беларусь судебная практика не выступает, хотя в истории права БССР такой вопрос возникал. Решался он путем анкетирования судей БССР в 1989 г. По его результатам более 50% респондентов высказались против отнесения судебной практики к форме права. Свой отказ они обосновали тем, что при осуществлении правосудия по уголовным делам они по той или иной причине не ссылаются на руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. Однако все опрошенные судьи отмети-

ли, что при этом всегда наличие и содержание руководящих разъяснений имеют в виду [6]. Отмечается возможность произвола, если судебные решения стали бы иметь нормативный (общеобязательный) характер.

В странах романо-германской правовой семьи судебная практика изначально использовалась для характеристики исключительно правоприменительной, а не нормотворческой деятельности судебных органов. Однако непричисление судебной практики к числу форм права не отрицает возможность включения судебной практики в понятие источника права, поскольку у судебной практики есть некоторые признаки источника права, а именно признак нормативности. Так, классик советской и российской юриспруденции С.С. Алексеев подчеркнул, что «через судебную практику могут быть с достаточной основательностью раскрыты основные начала, «дух» данной сферы права, нашедшие не всегда полное закрепление в законодательстве, в кодексе» [1, с. 118]. Современные российские правоведы А.В. Поляков и Е.В. Тимошина отмечают, что «практически никакой статут (закон) не может считаться окончательным руководством к действию до тех пор, пока не сложится судебная практика его толкования и применения» [14, с. 294-295].

Признак нормативности вытекает из включения обзоров судебной практики в руководящие постановления верховных судов. При этом судебная практика не отождествляется с такими актами. Так, советский правовед, профессор С.Л. Зивс утверждал, что постановления Пленума нельзя считать «судебной практикой» или «частью судебной практики», так как сами постановления Пленума выносятся на основе обобщения, анализа судебной практики. Верховный Суд подтверждает или отвергает ту или иную практику [10, с. 184].

Профессор В.Н. Бибило пишет: «Замечено следующее явление: по однотипным уголовным делам (одинаковых уголовных дел не бывает) подсудимым назначается, примерно, один и тот же вид и размер наказания... Думается, что он кроется в осведомленности судей о том, какие судебные приговоры были вынесены по подобным делам» [2, с. 28; 3]. Однако такая осведомленность нигде не фиксируется. В таком случае многое в успешности отправления правосудия зависит от правосознания конкретного судьи, ведь он каждый раз заново трактует закон опираясь на профессиональный опыт. Данный факт говорит о том, что на успешное отправление правосудия влияет как профессиональный опыт, так и правосознание, что в последующем изучается как судебная практика [17].

В доказательство того, что судебная практика может быть отнесена к числу дополнительных источников права, отметим факт, что французские авторы Ф. Малори и Л. Айнес определяют судебную практику как «совокупность судебных решений, из которых выводится норма права, поскольку эти решения выносились постоянно в единой логике, по одним и тем же правовым вопросам» [18, с. 101-103].

Положительно решив вопрос об отнесении судебной практики к понятию источника права, закономерно возник вопрос о соотношении судебной практики и судебного прецедента. Мы солидарны с точки зрения Т.В. Ивановой и В.Н. Дубовицкого, что недопустимо придавать судебной практике значение синонима судебного прецедента [11, с. 7-15].

Во-первых, если судебная практика формируется снизу вверх, то судебный прецедент прямо создается высшим судом после рассмотрения дела и его обжалования, формулируется от частного к общему и публикуется высшими судами и действует сверху вниз. Во всех судах в определенной мере так или иначе судебная практика отличается. Высшие суды ее обобщают и дают обзор. Тем самым, только судебная практика, закрепленная в постанов-

лениях Пленума Верховного Суда, может претендовать на статус источника права и только тогда, когда в судебном акте этого коллегиального органа: закреплены положения, разъясняющие применение нормативных актов; выработаны новые правовые правила процедурного характера; дано официальное толкование правовой нормы; сформулированы правоположения, которыми преодолен дефект в нормативном правовом акте [20, с. 68-69].

В силу издания нормативного акта судебной власти такое толкование приобретает нормативный характер.

Судебная же практика включает в себя совокупность всех решений из которых выводится норма права: они выносились по единой логике и по одним и тем же правовым вопросам. Потому формирование единообразной судебной практики как источника права свойственно высшим судебным органам. Иная судебная же практика нарабатывается всеми инстанциями судебной системы и она по своей природе ближе к правовому обычаю.

Во-вторых, если судебная практика формируется на основе применения нормы позитивного права, то для создания правового прецедента в романо-германской правовой системе требуются следующие условия: наличие пробела в позитивном праве и отсутствие дополнительных источников (например, правового обычая).

В-третьих, еще одно отличие судебной практики от прецедента заключается в том, что судебная практика может формировать новые тенденции в случае необходимости. Судебная практика высших судов фактически становится регулятором спорных отношений в сочетании с нормами права, выполняя функцию дополнительного источника права, и в последствие может служить средством для формирования и изменения норм права законодательным органом [8].

По утверждению другого французского ученого П. Сандевуара, «задача судебных инстанций состоит в дополнении, уточнении или замещении недостаточно развитых, неясно сформулированных или несуществующих правовых норм; кроме того, суды могут модернизировать давно существующую норму права» [18, с. 101-103]. В данном контексте само судебное решение не содержит нормы права, поскольку является правоприменительным актом по конкретному спору, в котором правоприменитель, ссылаясь на определенные, относящиеся к данному делу статьи законодательства (нормы, содержащиеся в них), выносит решение касательно лишь участников спора. Однако при вынесении решения имеет место законное судебное усмотрение [2, с. 177].

В отличие от судебной практики судебный прецедент формирует новую правовую норму (носит нормативный характер), которая официально публикуется и имеет силу, равнозначную закону (выступает образцом действий для следующего судьи, столкнувшегося с рассмотрением схожего дела). Таким образом, судебный прецедент — это не всякое решение суда, а лишь то, которое содержит новую норму и официально опубликовано. Часть решения, включающая эту норму, становится образцом для решения сходных дел [11, с. 7-15].

Судебная практика высших судебных органов, обеспечивающая стабильность и единообразие правоприменения при разрешении отдельных категорий дел, признается обязательной для нижестоящих судов. Поскольку законодатель не всегда способен своевременно реагировать на возникающие в праве пробелы и другие дефекты законодательства, то выработка правовых позиций высшими судами обладает общеобязательным характером, снимает правовую неопределенность в регулировании отношений и разрешает споры о праве, тем самым сохраняется действенность правовой системы.

Таким образом, судебная практика — это результат судебной деятельности по конкретному делу или обобщенной категории дел, основанный на опыте и судейском усмотрении, закрепленный в судебном акте, содержащий правовоположения, официальное толкование норм права, которые в силу закрепления в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь является обязательным для применения. В силу определенной доли нормативности судебная практика является дополнительным источником права, но не формой права. Судебная практика не отождествляется ни с постановлениями пленумов высших судов, ни с судебным прецедентом.

Проблема уточнения уровня нормативности постановлений Пленума Верховного Суда очень важна для решения вопроса об обязательности судейского толкования. Толкование судов, данное посредством постановления Пленума Верховного Суда, изменяет свой вид из казуального, имеющего обязательный характер лишь для сторон дела и суда, рассматривающего дело, на нормативный, т.е., обязательный для неопределенного круга лиц. Это факт имеет первостепенно значение для определения значения и для официального толкования оценочных категорий в праве, которыми изобилует законодательство (например, здоровье нации, угроза общественному порядку или национальной безопасности и др.).

Субъективность толкования оценочных категорий в праве — это сложнейшая проблема правоприменения и нормотворческой деятельности. «Распаковка» оценочных категорий в праве до сих пор остается весьма субъективным делом и осуществляется правоприменителем, исходя из его опыта, усмотрения и правопонимания и др. субъективных характеристик его личности. Верховные суды, толкуя оценочные категории, приносят элемент обязательности для нижестоящих судов и не только. Нормативность постановлений Пленума Верховного Суда положительно решает вопрос об обязательности и нормативности толкования. Однако для выработки единообразной судебной и нормотворческой практики, в первую очередь, оценочных категорий требуется регистрация или учет толкуемых через постановление понятий, что на сегодняшний день отсутствует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Республике Беларусь суд творит право, но круг нормотворческих органов в рамках судебной власти дискусионен; источники судейского права легализованы посредством специфической для судебной власти формы права — единственного нормативного правового акта судебной власти. Для уточнения характеристик источников судейского права Республики Беларусь, рекомендуется: легализовать всю систему источников права (в том числе, нетипичных для белорусской правовой системы, а именно судебного прецедента, судебной практики, судебного обычая), чтобы обеспечить единство понимания системы источников права белорусской правовой системы, а также сбалансированность индивидуально- и абстрактного правового нормирования; легально вернуть нормативный характер актам Конституционного Суда (хотя бы одному из них); уточнить общеобязательный (не корпоративный) характер постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь; для выработки единообразной судебной и нормотворческой практики, в первую очередь, Верховному Суду вести учет толкуемых через постановление понятий; указать в Законе «О нормативных правовых актах», что принятие постановлений Пленума Верховного Суда осуществляется в порядке, установленном ст. 59 Кодекса о судостроительстве и статусе судей.

Как было выявлено в ходе исследования, дальнейшей разработки требуют уточнение соотношения понятий формы права и источников права, а также вопросы самостоятельности форм права.

Библиография

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового развития - надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000. – 256 с.
2. Бибило В.Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с.
3. Бибило В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: https://law.bsu.by/pub/27/Vibila_3.pdf.
4. Бибило В.Н. Теория государства и права. -Минск: Право и экономика, 2015.- 206 с.
5. Василевич Г.А. Источники белорусского права. – Минск: Тесей, 2005. – 136 с.
6. Василевич Г.А. Судебный прецедент как источник права [Электронный ресурс] URL: https://law.bsu.by/pub/26/21_Vasilevich.doc.
7. Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права: учебник для студентов учреждений высшего образования по юридическим специальностям / А. Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов В.А. Кучинский; под ред. В.А. Кучинского; УО "Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь". – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Академия МВД, 2019. – 478 с.
8. Гук П.А. Судебная практика как источник и средство изменения законодательства [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-i-sredstvo-izmeneniya-zakonodatelstva.pdf>.
9. Демичев Д.М. Общая теория права: учебное пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – Минск: Вышэйшая школа, 2019. – 480 с.
10. Зивс С. Л. Источники права. – М.: Наука, 1981. – 239 с.
11. Иванова Т.В. Судебная практика как источник права в Республике Беларусь / Т.В. Иванова, В.Н. Дубовицкий // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта. – Серыя 4. Правазнаўства. – 2009. – № 4 (90). – С. 7–15.
12. Иванова Т.В. Трактовка понятия «судебная практика» [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/tomara_i@mail.ru.pdf.
13. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.
14. Поляков А.В. Общая теория права: учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, - 2-е изд. - Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015. – 472 с.
15. Сильченко Н.В. Источники права: сборник научных статей. – Минск: Право и экономика, 2021. – 292 с.
16. Сильченко Н.В. Теория верховенства закона. - Минск: Беларуская навука, 2015.– 288 с.
17. Тихий А.В. Судейское усмотрение как основа формирования внутреннего убеждения [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudeyskoe-usmotrenie-kak-osnova-formirovaniya-vnutrennego-ubezhdeniya%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudeyskoe-usmotrenie-kak-osnova-formirovaniya-vnutrennego-ubezhdeniya%20(1).pdf).
18. Хомякова Н.П. Роль французской судебной практики как источника нормотворчества // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 101–103.

19. Шафалович А.А. Вызовы и перспективы правового регулирования на пути к инновационному типу (на примере Республики Беларусь) // *Teisė*. – 2018. – Т. 108. – С. 127–134.

20. Шафалович А.А. Правотворческий процесс Республики Беларусь: учебное пособие. – Минск: РИВШ, 2022. – 220 с.

Shafalovich H.A.♦

UDC: 342.4

To the question of the sources of judicial law in the Republic of Belarus

Abstract: As a result of the study, the author concludes that there is a need to legalise the entire system of sources of law of the Republic of Belarus in order to ensure a uniform vision of this system of sources, in order to ensure a balance between individual and abstract regulation; to restore the normative nature of the acts of the Constitutional Court; to clarify the generally binding (not corporate) nature of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus; in order to develop a uniform judicial and rule-making practice, the Supreme Court should keep a record of the concepts interpreted through the resolution; the Law ‘On Normative Legal Acts’ should specify that resolutions of the Plenum of the Supreme Court should be adopted in accordance with the procedure established by Article 59 of the Code on the Judiciary and the Status of Judges. We consider the clarification of the correlation between the concepts of the form of law and sources of law, as well as the issues of independence or interpenetration of forms of law to be relevant directions for further research into the sources of judicial law.

Keywords: rule-making activity; sources of law; form of law; judicial precedent; judicial practice; normative legal act; judicial law-making; judicial interpretation; normativity; judiciary.

References

1. Alekseev S.S. Law on the threshold of the new millennium: some trends in world development - hope and drama of the modern era. Moscow, Statute Publ., 2000, 256 p. (in Russian).
2. Bibilo V.N. Problems of jurisprudence: selected works. Minsk, Law and Economics Publ., 2010, 470 p. (in Russian).
3. Bibilo V.N. Judicial power in criminal proceedings. Available at: https://law.bsu.by/pub/27/Bibila_3.pdf. (in Russian).
4. Bibilo V.N. Theory of state and law. Minsk, Law and Economics Publ., 2015, 206 p. (in Russian).
5. Vasilevich G.A. Sources of Belarusian law. Minsk, Theseus Publ., 2005, 136 p. (in Russian).
6. Vasilevich G.A. Judicial precedent as a source of law. Available at: https://law.bsu.by/pub/26/21_Vasilevich.doc. (in Russian).
7. Vishnevsky A.F. General theory of state and law: a textbook for students of Universities in legal specialties; edited by V.A. Kuchinsky; "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the

♦ **Shafalovich Hanna** - PhD. in Law, Associated Professor, BSEU, Department of the Theory and History of Law (the Republic of Belarus). E-mail: shafalovichy@gmail.com

Republic of Belarus". – 3rd ed., revision. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2019, 478 p. (in Russian).

8. Guk P.A. Judicial practice as a source and means of changing legislation. Available at: <file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-i-sredstvo-izmeneniya-zakonodatelstva.pdf>. (in Russian).

9. Demichev D.M. General theory of law: textbook / D.M. Demichev, A.A. Bochkov. Minsk, Higher School Publ., 2019. – 480 p. (in Russian).

10. Zivs S. L. Sources of law. Moscow, Nauka Publ., 1981, 239 p. (in Russian).

11. Ivanova T.V. Judicial practice as a source of law in the Republic of Belarus / T.V. Ivanova, V.N. Dubovitsky // Newsletter of the Grodzen State University. Series 4. Rights of knowledge. 2009. No. 4 (90). P. 7-15. (in Russian).

12. Ivanova T.V. Interpretation of the concept of “judicial practice”. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/tomara_i@mail.ru.pdf. (in Russian).

13. Pavlov V.I. Problems of the theory of state and law: textbook. Minsk, Acad. Ministry of Internal Affairs Publ., 2017, 262 p. (in Russian).

14. Polyakov A.V. General theory of law: textbook / A.V. Polyakov, E.V. Timoshin, - 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2015, 472 p. (in Russian).

15. Silchenko N.V. Sources of law: collection of scientific articles. Minsk: Law and Economics Publ., 2021, 292 p. (in Russian).

16. Silchenko N.V. The theory of the rule of law. Minsk: Belarusian Science Publ., 2015, 288 p. (in Russian).

17. Tikhii A.V. Judicial discretion as the basis for the formation of internal conviction. Available at: [file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudeyskoe-usmotrenie-kak-osnova-formirovaniya-vnutrennego-ubezhdeniya%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Andrey/Downloads/sudeyskoe-usmotrenie-kak-osnova-formirovaniya-vnutrennego-ubezhdeniya%20(1).pdf). (in Russian).

18. Khomyakova N.P. The role of French judicial practice as a source of rule-making // State and Law. 2001. No. 1. P. 101-103. (in Russian).

19. Shafalovich A.A. Challenges and prospects of legal regulation on the way to the innovative type (on the example of the Republic of Belarus) // Teisė. 2018. T. 108. P. 127-134. (in Russian).

20. Shafalovich A.A. Lawmaking process of the Republic of Belarus: teaching aid. Minsk: RIVSH Publ., 2022, 220 p. (in Russian).